

Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра

Часть I

Федор А. Докучаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dokuchaev.f@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается решение апории времени в третьем томе «Времени и рассказа» Поля Рикёра. Рассматривается постановка проблемы – с точки зрения Рикёра, феноменологические дескрипции недостаточны для конституирования объективного времени, исходя из времени сознания. Эту проблему решает поэтика нарратива. Рикёр выделяет следующие приемы, связывающее объективное и психологическое время: календарь, смена поколений, архив, документ, след. В рамках настоящей статьи разбирается только первый приём. Подход Рикёра основан на двух предпосылках. Во-первых, субъектом и объектом истории для него является прежде всего человек; одним из основных качеств человека является способность рассказывать. Во-вторых, время не существует в отрыве от человеческого рассказа и является человеческим измерением.

Календарь является формой человеческого отношения ко времени. С одной стороны, он основывается на мифе и ритуале, они обуславливают изначальную связанность космологического и человеческого времени. С другой стороны, календарь основывается на астрономическом и феноменологическом времени – от одного он берет привязанность дат к движению небесных тел, а от другого заимствует понятие настоящего (сегодня). Он не сводится только к этим условиям, но обладает собственной ключевой чертой. Календарь организует историческое время вокруг «осевого момента», особого события, по отношению к которому упорядочиваются другие события.

В заключении ставятся вопросы к теории Рикёра: поскольку нарратив может быть сам обусловлен невербальным, является ли его анализ достаточным для решения этой проблемы? Не элиминируется ли апория на уровне изначальной предпосылки: время не существует без нарратива?

© Докучаев Д.А., 2019

Статья основана на материалах доклада на конференции «Алешинские чтения–2018» («Интерсубъективность, коммуникация, солидарность»), проведенной в РГГУ 12–14 декабря 2018 г.

Ключевые слова: проблема времени, феноменологическая герменевтика, темпоральность, нарратив

Для цитирования: Докучаев Ф.А. Преодоление апории времени во «Времени и рассказе» Поля Рикёра (Ч. I) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 20–30. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-20-30

Overriding an aporia of time in Paul Ricoeur's "Time and Narrative"

Part One

Fedor A. Dokuchaev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dokuchaev.f@gmail.com*

Abstract. The paper considers overriding an aporia of time as presented in the third volume of Paul Ricoeur's "Time and Narrative".

The formulation of an issue is considered according to Ricoeur, the phenomenological descriptions are not sufficient for constituting the objective time based on the time of consciousness. The narrative poetics solves the issue. Ricoeur observes the following techniques that bridge the objective and psychological time: a calendar, a change of generations, an archive, a document, a trace. Within the article, only the first method is considered. Ricoeur's approach is based on two assumptions. First, the subject and object of history for him is primarily a person; one of the basic qualities of a person is the ability to narrate. Secondly, time does not exist in isolation from the human narrative and is a human dimension.

The calendar is a form of the human relation to the time. It does not boil down only to those conditions, but has its own key feature. On the one hand, it is founded on the myth and ritual, establishing an original coherence between the cosmological and human time. On the other hand, the calendar is based on the astronomical and phenomenological time, and the first one correlates the dates with the movement of celestial bodies, the second one endows it with the notion of the present (today). The calendar does not boil down only to those conditions, but has its own key feature: it organizes historical time through "axial moment" (extraordinary historical event) special event in relation to which other events are ordered.

In the conclusion several questions on the Ricoeur's theory are posed. Since the narrative itself can be determined by something non-verbal, is its analysis sufficient for resolution of the issue? Is the aporia not eliminated at the level of the original premise: time does not exist apart from the narrative?

Keywords: issue of time, phenomenological hermeneutics, temporality, narrative

For citation: Dokuchaev FA. Overriding an aporia of time in Paul Ricoeur's "Time and Narrative". *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:20-30. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-20-30

Введение

Время – заколдованная проблема философии. Отметим две фундаментальные проблемы, связанные с этим понятием. Во-первых, время противится сущностному определению. Уже Аристотель, задав вопрос об онтологическом статусе времени и о его природе, ответил на него уклончиво: время если и существует, то только в связке с движением, а его природу можно определить как «число движения в отношении к предыдущему и последующему» [1 с. 150]. Иначе говоря, время всегда определяется в связке с более понятной сущностью – такими как изменение, движение, активность души. Во-вторых, после возникновения «психологической» концепции Августина время будто разделяется надвое: с одной стороны, выделяется неисчисляемое (но переживаемое и измеряемое) время души, с другой – время мира, связанное с числом и движением вещей. В дальнейшем образы времени только множатся, что для некоторых авторов служит поводом для постановки самого понятия под вопрос [2 с. 87]. Двойственная природа времени порождает вопрос о связи физического и психологического времени. Попытки вывести одно из другого, найти общее между ними наталкиваются на множество затруднений. Именно их Поль Рикёр называет апорией времени.

Редуцирование времени к более фундаментальной категории – например к пространству – является одним из возможных выходов из этой апории. Но он предполагает решение проблемы напрямую, создание новой теории времени, объясняющей то, что не смогли сделать другие. Иной возможностью является «поэтическое» решение проблемы, представленное в третьем томе «Времени и рассказа» Рикёра.

Основные положения подхода Поля Рикёра

Обращаясь к своей теории нарративной рефигурации человеческого опыта, философ ставит вопрос: «может ли – и если да, то как – нарративная операция, взятая во всем своем объеме, предложить “решение” – конечно, не спекулятивное, но *поэтическое*, – тех

апорий, которые показались нам неотделимыми от августинианского анализа времени»¹ [З р. 10]. Поэтическое решение, о котором говорит Рикёр, связано, конечно, не с поэзией как практикой стихосложения, но с производством смысла, который затем может быть вербализован, высказан, сложен в историю; решением спекулятивных апорий для Рикёра является герменевтическая практика человеческой жизни. Человек существует, понимая – такова ключевая интуиция трансформированной Хайдеггером дисциплины герменевтики.

Однако в отличие от разбираемой и критикуемой им феноменологии Хайдеггера, Рикёр предпочитает обращаться не к фигуре фундаментального самопонимания *Dasein*, но к конкретным, даже специальным герменевтическим операциям, разворачивающимся на вербальном уровне. Связав феноменологию с герменевтикой в своей программной статье «Существование и герменевтика» [4], он выбирает «длинный путь» анализа понимания – в отличие от «короткого пути» Хайдеггера. На пути к фундаментальному, согласно Рикёру, нам всегда нужно пройти через пространство языка. Иначе говоря, он сосредотачивается не на «немом» откровении вещей, но на наделении этих явлений смыслом, их встраивании сперва в символическую сетку, а затем и в пространство рассказа.

Попытка создать теорию времени как самостоятельной сущности оказывается, по Рикёру, обреченной – и приводит к неразрешимым апориям. Он обстоятельно разбирает концепции Августина, Аристотеля, Канта, Гуссерля и Хайдеггера, находя в них, наряду с последовательным углублением и усложнением анализа, все более ясно очерчивающуюся трудность: непреодолимый концептуальный разрыв между личным, переживаемым временем (*tempsvécu*) и временем мировым (*tempsuniversel*, также Рикёр обозначает его как время мира, объективное или вульгарное время). Наведение моста через эту пропасть – задача, которую, по Рикёру, решает время историческое.

Прежде чем перейти к описанию функций исторического времени, выступающего связующим звеном психологического и объективного времени, отметим два существенных момента.

Во-первых, субъектом и объектом истории, действующим и претерпевающим, является человек. Последний всегда находится на фоне рассуждений Рикёра. Как отмечает И.С. Вдовина, весь интеллектуальный путь французского мыслителя можно рассматривать как постепенную и разностороннюю разработку философской антропологии. Потому мы сразу отметим те черты человека, которые являются для Рикёра основными: способность говорить,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ф. Д.

способность участвовать в ходе событий посредством действий, способность рассказать о себе, способность осознать себя субъектом собственных действий [5 с. 199–200].

Во-вторых, время, которое исследует философ, является прежде всего человеческим временем. Иначе говоря, любая темпоральность (будь то темпоральность объектов физического мира или людей) конституируется посредством человеческой активности: прежде всего речи, рассказа. Основным тезисом трехтомного «Времени и рассказа» Рикёр считает утверждение о неразрывной связи темпорального характера человеческого опыта и нарратива: «мир, создаваемый в любом повествовательном произведении, – это всегда временной мир, или, как мы постоянно будем повторять в этой книге, время становится человеческим временем в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [6 с. 13]. При этом пространство человеческого опыта, как и пространство рассказа, рассматривается сквозь призму действия. Действие отличается от физического движения своей осмысленностью в практике человеческой жизни. Как уточняет Рикёр, «если действие может быть рассказано, то потому, что оно уже артикулировано в знаках, правилах, нормах: оно изначально символически опосредовано» [6 с. 71]. То же утверждение справедливо для всего пространства человеческого опыта.

История как человеческая деятельность по осмыслению событийного ряда, предоставляет инструменты, позволяющие решить апории, непреодолимые для спекулятивной мысли. Эти инструменты выражаются в конкретных нарративных операциях, связывающее личное (проживаемое, *temps vécu*) и мировое время: «Мы обратимся к приемам соединения, запечатленным в самой исторической практике, которые позволяют заново вписать проживаемое время во время космическое: календарь, последовательность поколений, архивы, документ, след» [3 р. 147].

Условия возможности календарного времени

В рамках настоящей статьи мы ограничимся только первой исторической операцией. Впрочем, именно в анализе календаря Рикёр проговаривает свою методологическую позицию. Учитывая его методику решения спекулятивной проблемы посредством обращения к дискурсивной практике, это особенно важно.

Рикёр называет свой подход трансцендентальным. Можно выделить два смысла трансцендентального подхода: позитивный трансцендентализм, расценивающий базовые структуры как неиз-

менные начала, и герменевтический трансцендентализм, для которого эти структуры в свою очередь являются созданными. Рикёр придерживается последнего подхода. Он обращается к различным наукам, но не заимствует их онтологические постулаты и методологию, оставаясь в рамках герменевтики. Например, в отличие от Дюркгейма и Хальбвакса, Рикёр не занимается генетическим объяснением возникновения исторических понятий. Указание источника не равноценно прояснению смысла, полагает он. Однако генетическая социология содержит ценные описания исторического времени. Так, в «Элементарных формах религиозной жизни» [7] Эмиль Дюркгейм указывает, что время для сообщества может являться не только в форме коллективной памяти, но и как абстрактная и безличная рамка, в которой размещаются прошедшие и только возможные события.

Ближе всего подход Рикёра находится к структурализму – он ищет общие структуры, «необходимые условия» для календарного времени, при этом не стремясь «спекулятивно» определить их онтологический статус. Они существуют на уровне дискурса, и они работают – календарь *реально* связывает личное и универсальное время; вопрос состоит только в прояснении того, как именно он это делает.

Итак, календарь – первый мостик между переживаемым и космическим временем. Будучи изобретением, он является вторичным по отношению к мифологическому времени, Рикёр даже называет его «тенью» [3 р. 154] последнего. Мифологическое время является источником тех условий, которые предшествуют изобретению любого календаря. В нем есть исходная целостность времени смертных, исторического времени и времени мира, это то «большое время», которое, по словам Аристотеля в «Физике», объемлет всю реальность. Рикёр не говорит прямо, является ли это время конституированным «большим рассказом», то есть мифом, или оно является первичной субстанцией. Важно, что миф и ритуал для него отличны от мифологического времени и репрезентируют его.

Это «большое время» обладает своей функцией – соотносить время сообществ и живущих в сообществах людей с космическим временем. Заметим, что мифологическое время интересует Рикёра лишь постольку, поскольку оно мотивирует практики сказания мифов и исполнения ритуалов; последние важны для него лишь в их функции соотнесения порядка мира и порядка обыденного действия. Миф и ритуал он рассматривает как способ интеграции обыденного времени действующих и претерпевающих воздействие индивидов в мировое (астрономическое) время. Они – лишь универсальные условия изобретения календаря.

Итак, мифологическое время устанавливает общую меру времени, соотнося циклы различной продолжительности друг с другом: большие небесные циклы, биологические повторения и ритмы социальной жизни. Мифическое репрезентируется ритуалом – напомним, что человеческий опыт для Рикёра всегда уже означен – и уже он своей периодичностью выражает время, длительности которого превышают длительности обыденного действия. Важно, что мифическое время не обязательно отвечает современному императиву *количественного* измерения – оно может организовывать жизнь ритмически, размечая праздничные и будние дни, благоприятное и неблагоприятное время.

Миф и ритуал, являясь двумя способами репрезентации мифологического времени, отличаются направленностью: миф расширяет обыденное время и пространство, а ритуал сближает мифическое время с профанной сферой жизни и действия.

В своем исследовании Рикёр опирается на статью Эмиля Бенвениста «Le langage et l'expérience humaine» [8]. Из нее философ заимствует термин «хронологическое время», которое он затем использует как синоним календарного времени.

Следуя Бенвенисту, Рикёр выделяет три общих черты для всех календарей:

- 1) учреждающее событие, открывающее новую эру (например рождение Христа или Будды); точка отсчета;
- 2) наличие единой оси с различием *двух направлений*: прошлого и будущего; все возможные события могут быть отнесены либо в одну, либо в другую категорию;
- 3) наличие единиц измерения: день, месяц, год. Их значение вырастает из действий обыденной жизни, и хотя астрономия уточняет их длительность, не она является источником этих обозначений.

Однако астрономия здесь крайне важна. Благодаря ей календарное время сближается с физическим временем движения светил – непрерывной, бесконечной, линейной длительности. В качестве линейной длительности календарное время предполагает измеримость, т. е. возможность соотносить числа с равными интервалами времени, которые в свою очередь связываются с очередностью природных явлений. Астрономия тут является наукой, устанавливающей законы этой очередности со все большей и большей точностью.

Две особенности календарного времени не могут быть объяснены астрономией. Во-первых, хотя в календарном времени возможно движение взгляда наблюдателя в двух направлениях, *двухмерность* движения взгляда сопровождается *одним* направлением движения вещей. Во-вторых, от астрономии и физики, однако, ускользает принцип разделения времени – нулевая точка отсчета.

Потому Рикёр считает необходимым обращение к структурам сознания, описанным феноменологией. Во-первых, только феноменологическое понятие настоящего (сегодня) делает мыслимым вчера и завтра; без него непредставимо абсолютное новое событие, разрывающее связь с ушедшей эпохой. Этот разрыв идет рука об руку с новым направлением истории – у Рикёра «новое» определяется как отличное в своем ходе (*cours*) от старой. Во-вторых, без структур протенции и ретенции, организующих всякий опыт, было бы невозможно говорить о ходе (*parcours*) времени. В-третьих, идея «квази-настоящего» (*quasi-présent*) – которое Гуссерль исследует в своей «Феноменологии внутреннего сознания времени» – делает мыслимым двунаправленность времени: от прошлого к будущему и от будущего к прошлому.

В этом рассуждении Рикёр опирается на два ключевых понятия: идею (*l'idée*) и опыт (*l'expérience*). «Прививка» феноменологии к календарному времени в качестве «условия» его возможности осуществляется через имплицитный переход от структур сознания к идее, смыслу, понятию, крепко вросшему в нашу практику обхождения с временем. Тем не менее разработка такого перехода остается «за кадром». Рикёр продолжает развивать уже намеченную им тему изначальной означенности человеческого опыта. В этом ракурсе феноменология предстает практикой эксплицирования того, что уже опосредованно символически – иными словами, герменевтикой, а не *аналитикой опыта*.

Ключевая особенность календарного времени

Итак, календарное время обусловлено с двух сторон: со стороны феноменологической и астрономической. Без феноменологической опоры оно не имеет качественного смысла, без физической – количественной меры. Но и феноменологическое, и астрономическое время не исчерпывают хронологического времени. Последнее вмещает их, но к ним не сводится.

Хронологическое время отличает «осевой момент» (*le moment axial*), сочетающий в себе как физическое мгновение, так и психологическое настоящее – событие, которое дает новое значение психологическим и космологическим аспектам времени. Вокруг него упорядочиваются все события, обретая свою позицию на временной шкале: десять, двадцать, тысяча лет после Рождества Христова. Наша собственная жизнь получает от него свое место в истории. События межличностной жизни (Рикёр приводит в пример конфликты, переговоры, объединения) могут происходить в одно и то же время – то есть в один и тот же день календаря, благодаря тому

что физические одновременности (*simultanéités*) в календарном времени становятся «современностями» (*contemporanéités*) [З р. 159].

Не проговаривая это прямо, Рикёр указывает, что событие *историческое* несводимо к физическим и психологическим событиям. Его особенность состоит в организации времени, историческое событие обладает собственным «гравитационным полем».

По Рикёру, оригинальность осевого момента выводит календарное время за пределы как физического, так и психологического времени. Каждый момент может стать осевым, а каждая дата без его упорядочивающего влияния может быть прошедшей или будущей. В качестве примера осевого момента философ приводит взятие Бастилии. Можно было бы возразить Рикёру: значимость этого свершения несомненно по-разному оценивалась современниками и потомками; исторические события зачастую учреждаются в качестве таковых историками или политиками, затем передаваясь в качестве традиции. Живой опыт в истории меркнет, заслоняемый богатством суждений и оценок, – богатством, в конечном счете, лингвистического материала. Разве историческое событие может родиться одновременно с суждением о нем? А ведь без этого немислимо его превращение в осевой момент.

Это возражение опять наталкивается на исходную интуицию Рикёра – время только и существует в форме рассказа, и историческое время не является исключением. Философ, однако, идет еще дальше – даже настоящее мы обретаем, только говоря о нем. Переживаемое время (обозначенное нами как живой опыт) объединяется с хронологическим временем только посредством времени лингвистического, отсылающего к дискурсу.

Потому трансцендентализм Рикёра выявляет универсальные структуры лишь в плоскости герменевтики: «трансцендентальная рефлексия над календарным временем таким образом включается в нашу герменевтику темпоральности»² [З р. 160].

Заключение

Подход Поля Рикёра во многом привлекателен. Он предлагает элегантно, хоть и обходное решение сложной философской проблемы. Тем не менее, он вызывает ряд вопросов, поиск ответов на которые будет мотивировать наше дальнейшее исследование.

Во-первых, насколько корректным является обращение к результатам феноменологической работы как к экспликации

² В оригинале: «La réflexion transcendantale sur le temps calendaire se trouve ainsi enrôlée par notre hérmeneutique de la temporalité».

«идей» человеческого опыта? Не теряется ли при этом аналитический характер феноменологии?

Во-вторых, можно ли считать ритуал исключительно нарративной практикой, «инструментом мысли» [З р. 153]? Если нет, не уходят ли корни рассказа в область невербального? Тогда оно, являясь его условием, фундирует и человеческое восприятие времени – а добраться до невербального уровня посредством одной только герменевтики Рикёра невозможно.

И наконец, сохраняется ли изначальная проблематичность аналитики времени, когда она переносится на почву герменевтики Рикёра? Обозначенная Рикёром апория решается уже на уровне отказа от спекулятивной теории в пользу исследования практики рассказа.

Во второй части статьи мы постараемся ответить на эти вопросы.

Литература

1. *Аристотель*. Физика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–262.
2. *Молчанов В.И.* Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
3. *Ricoeur P.* Le temps et le récit. Т. 3. Paris: Édition du Seuil, 1985. 432 p.
4. *Рикёр П.* Существование и герменевтика // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. С. 39–66.
5. *Вдовина И.С.* Поль Рикёр: На «Елисейских полях» философии. М.: Канон+: РООИ Реабилитация, 2019. 288 с.
6. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
7. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с.
8. *Benvéniste E.* Le langage et l'expérience humaine // Problèmes du langage. Paris: Gallimard, 1966. P. 3–13.

References

1. Aristotle. Physics. Aristotle. *Collected Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow: Mysl Publ.; 1981. P. 59-262. (In Russ.)
2. Molchanov VI. The Phenomenon of Space and the Origin of Time. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2015. 277 p. (In Russ.)
3. Ricoeur P. Le temps et le récit. Т. 3. Paris: Édition du Seuil, 1985. 432 p.
4. Ricoeur P. Existence and Hermeneutics. Ricoeur P. The Conflict of Interpretations. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2008. P. 39-66. (In Russ.)
5. Vdovina IS. Paul Ricoeur: On the «Elysian Fields» of philosophy. Moscow: Kanon+. ROOI Reabilitatsiya Publ.; 2019. 288 p. (In Russ.)

6. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1. The Intrigue and Historical Narrative. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.; 1998. 313 p. (In Russ.)
7. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. Totemic system in Australia. Moscow: Delo Publ.; 2018. (In Russ.)
8. Benveniste E. Le langage et l'expérience humaine. *Problèmes du langage*. Paris: Gallimard Publ.; 1966. P. 3-13.

Информация об авторе

Федор А. Докучаев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dokuchaev.f@gmail.com

Information about the author

Fedor A. Dokuchaev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dokuchaev.f@gmail.com